

* * *

Вырвав из горла города лязг и скрип,
Поезд сорвался с места, беря разгон.
В городе N ипотека у всех и грипп.
В городе N прицепили пустой вагон.

Хочется в тамбуре хлипкую дверь отжать.
Там, за последней преградой, закат поспел.
Кто-то пытался на поезде убежать,
Скрыться от города. Видимо, не успел.

Словно пути для него поросли быльём,
Не помогла ни одна из дорожных карт.
Лишь проводница кому-то несёт бельё.
Ей-то известно, что вся наша жизнь – плацкарт.

* * *

Заблудились в обманчивой осени,
в сумерках ранних,
И уже не понять, где мы встретим
грядущую зиму.
Пара слов на экране мобильного лечит и ранит.
Нам тоскливо, конечно, но в общем
вполне выносимо.

И сквозь рваные сумерки, горечь молчания злого
Неосознанно ждём друг от друга,
страдая нелепо,
Чтоб экран телефона донёс
два спасительных слова:
«Купи хлеба».

* * *

Что ж ты, Ева, себе не рада?
Плод познания червив и горек.
Знай же, сын твой ударит брата,
А потом захлебнётся горем.

На исходе смурного века
В каждом встречном нам виден Каин.
Человеком о человека
Время искренность высекает.

А искра разжигает пламень,
Распалает в нас злость друг к другу.
Каждый встречный – тяжёлый камень,
Попадающий нам под руку.

* * *

По центру сцены на стене – ружьё,
Нелепое в трагедии Шекспира.

Дотошный зритель думал: «Ё-моё,
Ну почему не шпага, не рапира?!»

Другой смекнул: «Ружьё как тяжкий рок,
Нависший над страной, где Клавдий правил!»

Вот только Гамлет не спустил курок,
Хоть дядя был совсем не честных правил.

«Какой глубокий, тонкий смысл сквозит!» –
Шептались люди, выходя из зала.

«Вчера убрать забыли реквизит», –
Уборщица уборщице сказала.

* * *

И кажется: пустая трата вре...
Писать стихи и размышлять о жи...
В грядущем неизбежном ноябре
Ты мне про жизнь и время расскажи.

За окнами ржавеют гаражи,
На свежий снег ложится влажный след,
И кажется: пустая трата жи...
Писать посланья пальцем на стекле.

Дыши-пиши, дыши-читай, дыши
И согревай дыханьем наш уют.
Жаль, брэнному вместилищу души
Опять дела покоя не дают.

* * *

Термос хрущёвки теплом человечьим полон.
Слышно сквозь стены дыханье его жильцов.
Юркие мыши снуют под скрипучим полом.
Старые книги глядят с запылённых полок.
В рамках на стенах повсюду твоё лицо.

Щурится кошка, разлёгшись у батареи.
Чайник свистит. Подтекает сливной бачок.
В этой заштатной хрущёвке нас что-то греет
Так, что от счастья становится горячо.

* * *

Утекает зима из города,
Оставляя повсюду слякоть.
Снеговик умирает гордо,
Не пытаюсь скульпить и плакать.

Помнит он, как метели пели
Белой вьюгой под белым флагом.
Умирает под звон капели
Красногрудой весне на благо.

Отступает зима из города,
Вслед ей рельсы гудят протяжно.
Снеговик умирает гордо...
Он лишь снег. И ему не страшно.

* * *

Наполненное хрипами и свистом,
Простуженное небо надо мной,
Над зимнею хандрою затяжной,
Над городом, заснеженным и мгlistым.

Зиме конец, но тихий двор забит
Вчерашним снегом, чёрным и тяжёлым,
И хочется, чтоб поскорей сошёл он,
Но всё ещё от холода знобит.

Прокашляется ржавый водосток,
И хлынет снег, разнеженный до влаги.
Подснежники проклюнутся в овраге.
Где был сугроб – распустится цветок.

Придёт весна, лирична и нежна,
Прозрачней станут облака и души.
Я верю, мы переболеем стужу.
И ты, и я, и небо. И страна.

* * *

Их молодость, завещанная нам...
И снова, ветру тёплому внимая,
Я прохожу по закоулкам мая.
Как жаль, что помню лишь по именам
Своих дедов. Деталей не узнать,
Не выцарапать, не отнять у смерти.
Они прошли по раскалённой тверди,
Чтоб нам теперь скорбеть и вспоминать,
Чтоб радостно смотреть во все глаза
На эту жизнь, на этот цвет сирени,
Фальшивящей строкой стихотворенья
Стремясь их жизнь себе пересказать.
Мы многим мельче, чем когда-то те
Невольные безусые герои.
Такие мысли горькие, не скрою,
Приходят в повседневной суете.
И вроде бы за что себя корить?
Но мчится мимо, харкая мотором,
Авто с табличкой «Можем повторить!».
И плачет май, боящийся повтора...

НОВОСЕЛЬЕ

В углу уже лежит матрас,
Коробки с надписью: «Посуда»,
Но ты находишь в сотый раз
Чужие волосы повсюду.

Как будто здесь остался след
Иных свершений и несчастий,
И твой матрас, твой старый плед
Отныне стали важной частью

*Всего, что этот дом вмещал,
Чем жили здесь, о чём мечтали.
И дело вовсе не в вещах.
Вся суть в деталях.*

** * **

*Я сойду на безымянной пристани.
Заскрипит рассохшийся причал.
Ни рыбак, ни теплоход с туристами
Прежде пристань здесь не замечал.*

*Не сойти на безымянной пристани
За другого – виден на просвет.
Будет небо всматриваться пристально,
Сквозь меня ли брезжит мягкий свет.*

*Становясь смелее и расхристанней,
Я войду в село, стучась в дома,
Ведь сойду на безымянной пристани,
Как здесь часто водится, с ума.*

** * **

*Разъятая на органы страна:
На лес, на нефть, на золотые жилы.
В глубинке, где пригрелась тишина,
Ждут городских поэтов старожилы.*

*Неужто я так беспросветно глуп,
Раз вижу немощь в этой древней силе?
Шесть лавок, восемь стульев – сельский клуб,
Куда нас со стихами пригласили.*

*Здесь пели ветры испокон веков.
Теперь тайга всё реже и плешивей.
И страшно в этом царстве стариков
Хоть парой строк, хоть парой слов
сфальшивить.*

** * **

*Жизнь уходит в драму то и дело.
Дядя Ваня на язык остёр:
Говорит, мол, чайка пролетела
Над вишнёвым садом трёх сестёр.*

*Промелькнула искоркой надежды,
Сполохами виденных зарниц
И остыла словом где-то между
Сжатых губ и сомкнутых страниц.*

*Никакой заумной подоплёки,
Лишь вопрос, тягучий, как смола:
Отчего наводит грусть далёкий
Лёгкий росчерк птичьего крыла?..*

